

Российская цивилизация. КТО И ЗА ЧТО ВОЕВАЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ?

Автор: В. В. БАБАШКИН

В начале 1990-х гг. выдающийся отечественный историк-аграрник В. Данилов выступил с концепцией крестьянской революции 1902 - 1922 гг. в России, затронувшей вопросы, остающиеся предметом острой идеологической полемики. "Масштаб и характер Русской революции, - писал ученый, - прежде всего определялись участием крестьянства, составлявшего 80% населения страны. На основе крестьянской революции развертывались и все другие - буржуазные, пролетарские, значение и исход которых определялись, в конечном итоге, их отношением к этой основе - к крестьянской революции" [Данилов, 1998, с. 10]. Эта позиция и поможет мне в поисках ответа на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, позволит скорректировать целый ряд устоявшихся оценок и трактовок революционной эпохи в исторической литературе.

* * *

Если российскому самодержавию удалось с грехом пополам, за счет политических и демагогических маневров, пережить первый политический кризис, связанный с развитием большой крестьянской революции к 1905 г., то следующий кризис в начале 1917 г. оказался для царизма фатальным. Гибельным он был и для всех других (кроме большевиков) организованных политических сил, рвавшихся к власти в России. Почему так получилось? Да потому что никакая другая политическая партия или коалиция, претендовавшие на власть в стране, не могли дать крестьянам того, чего они упорно и вполне сознательно добивались уже в течение полутора десятилетий - земли. Стало быть, есть определенный резон утверждать, что именно революционное крестьянство вознесло большевиков в 1917 г. к вершинам государственной власти. В ходе последующих бурных политических событий, которые в широком смысле и следует называть *гражданской войной* в России¹ [Данилов, 1998, с. 10], крестьяне заставили большевистскую партию распорядиться этой властью так, чтобы задачи крестьянской революции были решены радикально.

Такой взгляд небесспорен и требует подробной аргументации. Начну с того, какое решение аграрного вопроса диктовалось к 1917 г. реальными настроениями в деревне и на фронте, где под ружьем был в основном деревенский люд. Крестьян не могли удовлетворить ни кривошеинская² политика наделения земель, ни первые опыты продразверстки 1916 г., являвшейся средством ведения войны до победного конца, - все это в ко-

¹ В узком смысле так принято называть военные действия, которые велись Красной армией против регулярных частей белогвардейцев и интервентов.

² А. Кривошеин - министр земледелия в правительстве П. Столыпина, премьер-министр у П. Врангеля.

Бабашкин Владимир Валентинович - кандидат исторических наук, доцент Российского государственного аграрного заочного университета.

нечном счете и стоило трона последнему самодержцу. Кадеты, чьи позиции во Временном правительстве оказались ведущими, уже в марте 1917 г. заявили о необходимости решения вопроса о земле "на справедливых и разумных началах для пользы всего государства" [Осипова, 2001, с. 9]. Эти "начала" имели мало общего с представлением о справедливости крестьянского самозахвата земли.

У других крупных политических партий были собственные представления о разумном решении аграрного вопроса. Причем с крестьянской точки зрения наиболее адекватной была аграрная программа эсеров, обобщавшая крестьянские указы 1905 - 1907 гг., то есть опиравшаяся на общинные и трудовые идеалы, традиции и формы жизни крестьянства. Программа содержала требование "социализации земли", то есть ее изъятия из товарного оборота, обращения в общенародное достояние без выкупа с передачей функций распоряжения ею местным органам городского и сельского самоуправления. Но даже эсеры оказались не готовы смириться с начавшимся самозахватом земли. 4 марта 1917 г. Петроградская областная конференция партии социалистов-революционеров (ПСР), подтвердив свою принципиальную программную установку на отмену частной собственности на землю и передачу ее трудовому народу, обошла молчанием свой прежний лозунг конфискации помещичьей земли без выкупа. Более того, стихийная инициатива крестьянства, начавшего активные действия против помещиков, была осуждена конференцией, и вопрос о земле предлагалось решать законодательным путем через Учредительное собрание.

Эсеры можно понять. Перспектива безвозмездной передачи крестьянам помещичьей земли была чревата финансовым кризисом в связи с огромной задолженностью крупных землевладельцев банкам. К 1917 г. в 27 губерниях Европейской России заложенными оказались порядка 32 млн. десятин частновладельческих (в основном помещичьих) земель, под которые было выдано более 32 млрд. руб. - почти столько же, сколько на кредитование всей промышленности [Осипова, 2001, с. 7 - 8]. Самозахват этих земель грозил обрушением всей кредитно-финансовой системы страны, безнадежным обесценением банковских ценных бумаг и бумажных денег, что означало полный распад экономики страны, и в конечном счете - ту или иную форму зависимости от Запада. Приходилось только уповать на то, что Учредительное собрание станет панацеей от всех этих напастей, дав скорое и вразумительное решение аграрного вопроса в России, способное устроить все заинтересованные стороны.

Однако стремительное развитие событий крестьянской революции уже не оставляло времени для благостных упований. С самого начала марта повсеместно стали возникать волостные и сельские крестьянские комитеты, весьма решительно приступавшие к практическому распутыванию тех узлов, которые составляли земельный вопрос. Движение это было массовым и организованным. В результате уже 19 марта министр-председатель Г. Львов вынужден был издать циркуляр, задним числом официально разрешавший организацию таких комитетов. Об инициативном создании подобных органов свидетельствует разнородность в системе выборов, численном составе комитетов, их структуре. Даже назывались они по-разному: комитеты народной власти, общественной безопасности, а также исполнительные, революционные, распорядительные, народные комитеты, союзы, советы [Седов, 1971]. Их деятельность чаще всего шла вразрез с аграрной политикой правительства. Уже 9 марта в связи с распространением самовольных захватов земли, поджогов и других посягательств на права частных собственников Временное правительство постановило, что при подавлении крестьянских восстаний должно применяться оружие. В марте-мае в 20 уездах для охраны помещичьих имений от посягающих на их земли крестьян были направлены войска.

С апреля при министерстве земледелия централизованным порядком стали создаваться губернские, уездные и волостные земельные комитеты под руководством Главного земельного комитета. Эти комитеты должны были заняться подготовкой материалов по земельному вопросу для Учредительного собрания. Причем деятельность комитетов первичного звена, видимо, не слишком интересовала Временное правительство, а потому создание таковых предусматривалось только в том случае, если крестьяне сами

того пожелают. Крестьяне же всеми силами стремились взять инициативу на местах в свои руки. Поэтому, вопреки планам правительства открыть земельные комитеты примерно в 20% всех волостей страны, к осени 1917 г. они были учреждены более чем в 8400 (84%) волостях Европейской России [Кострикин, 1975, с. 137].

Так часто происходит в крестьянских обществах: одни правительственные постановления, направленные, казалось бы, на удовлетворение народных нужд, игнорируются деревней, превращаются в никчемные бюрократические нововведения. В других же законодательных инициативах политической верхушки крестьяне умудряются почувствовать нечто созвучное собственным интересам и настроениям и начинают предпринимать действия по их реализации, результаты которых часто неприятно удивляют самого законодателя.

С апреля 1917 г. революционные органы крестьянского самоуправления власти предпочитали официально именовать временными исполнительными комитетами, как бы подчеркивая, что они существуют лишь для разрешения текущих проблем, пока земельный вопрос не получит окончательного законодательного урегулирования. Но крестьянам было слишком тесно в таких узких рамках. Они забирали помещичьи земли, леса, луга, обращая их в общинное пользование. Многие комитеты обязывали помещиков сдавать землю в аренду на условиях, напоминавших конфискацию. Эта деятельность крестьянства в течение марта-апреля фактически смела земские органы местного управления, сформированные на основе всесословного представительства. Участие других сословий в решении земельного вопроса воспринималось крестьянством как вмешательство в их внутренние дела. Поэтому политическая линия Временного правительства на возрождение всесословных земств оказалась тупиковой. Власти не удалось сдержать общинное крестьянство в его стремлении разрешить вопрос о земле незамедлительно, пренебрегая "демократическими" препятствиями вроде Учредительного собрания, используя имеющиеся средства и исключительно в своих интересах.

Волостные и сельские сходы как традиционные органы общинного самоуправления принимали радикальные решения по земельному вопросу, переводя земли владельцев в распоряжение крестьянских обществ на началах уравнительного землепользования с переделом по едокам. В марте-мае 1917 г. в европейской части России подобные земельные постановления утвердили 67 уездных и 29 губернских съездов крестьян. Некоторые съезды оставляли владельцам только то количество земли, которое они могли обработать силами своей семьи [Осипова, 2001, с. 19 - 20]. Многие съезды принимали решения о передаче всех земель, не засеянных владельцами и арендаторами, равно как и всего свободного инвентаря в распоряжение волостных крестьянских комитетов [Кострикин, 1977, с. 17].

С 4 по 28 мая 1917 г. прошел I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Позиция крестьян-общинников прозвучала на нем прежде всего в выступлениях делегатов из числа крестьян и в их записках в президиум. Депутаты предлагали объявить землю всенародной собственностью и тем самым остановить самозахват, раз другого способа для этого не существует. На совещаниях делегатов по областям прозвучало требование к Всероссийскому совету немедленно передать всю землю крестьянам, с тем чтобы Учредительное собрание задним числом придало этому акту законную силу. Правозероверское руководство съезда предпринимало отчаянные усилия для того, чтобы удержать делегатов в рамках верности политике Временного правительства. Однако большинство представителей крестьянской общественности были настроены весьма решительно, так что руководству пришлось согласиться на левозероверскую формулировку, по которой в резолюции съезда предлагалось перевести все без исключения земли в ведение земельных комитетов с предоставлением последним широких полномочий в определении порядка их обработки. Все, что могли сделать правые эсеры, чтобы не разрушить свою коалицию с кадетами во Временном правительстве, - попытаться представить данную резолюцию как некое пожелание крестьянских депутатов, которое должно учитываться в постановлениях и действиях правительства. Однако крестьяне на местах предпочи-

тали воспринимать резолюцию всероссийского съезда как реальный закон³, а действия правительства по подавлению крестьянского движения - как незаконные.

Первые сполохи гражданской войны и два большевизма

Движение крестьянства в 1917 г. принимало такие размах и формы, что гражданская война становилась неизбежной. По 28 губерниям Европейской России прошло более 15 тыс. открытых выступлений крестьян против частного землевладения [Осипова, 1974, с. 227 - 243]. Причем если с марта по август в деревне преобладали различные формы экономического притеснения землевладельцев с сохранением за ними права собственности на землю, то осенью более типичным становятся захват и разгром помещичьих имений, террор против частных собственников земли, вооруженное сопротивление властям. Так, удельный вес актов ликвидации частновладельческих имений в мае-июне составил 4,5% от общего числа выступлений, в июле-августе превысил 8%, а в сентябре-октябре поднялся до 31,4% при абсолютном росте числа выступлений почти вдвое [Кострикин, 1977, с. 28].

Описывая события осени 1917 г., специалисты нередко употребляют словосочетания "крестьянская война" и даже "*гражданская война*". И если огонь крестьянской войны в начале XX в. постепенно распространялся на просторы страны от украинских губерний, то теперь центром вспыхнувшего пожара стало российское Черноземье, а именно Козловский уезд Тамбовской губернии, где в начале сентября за неделю были разгромлены 54 имения. На придорожных столбах охваченной войной губернии были развешены призывы: "Товарищи-крестьяне! Обратите внимание, помещики убралась из тех имений, которые разгромлены, и сидят еще в тех, которые уцелели. Призываем вас сжечь и эти имения, чтобы противное семя убралось оттуда, и тогда вы получите землю и волю". Причем с самого начала этого мощного подъема разгромно-захватнического движения обнаружились элементы "второй социальной войны": треть пострадавших собственников были из крестьян - кулаки, отрубники, хуторяне [Осипова, 2001, с. 53].

Временное правительство усугубляло шаткость своего положения попытками военного подавления крестьянского движения. Солдаты тыловых гарнизонов отказывались стрелять в народ, часто переходили на его сторону, поэтому всерьез готовился перевод с фронта наиболее дисциплинированных частей, то есть кавалерии и казаков. Характеризуя обстановку в стране в 1917 г., Данилов писал: "Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием полевых работ - в конце августа-сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тысяч выступлений... Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 года ленинского декрета "О земле"... И без этого декрета к весне 1918 года они были бы реализованы крестьянской революцией по всей России..." [Данилов, 1997, с. 18].

Последняя мысль важна, поскольку дает возможность лучше понять, что кризис власти в крестьянском обществе наступает тогда, когда правительство обнаруживает нежелание и неспособность решать задачи крестьянской революции; принимая характер настоящей крестьянской войны, последняя реализует эти задачи самостоятельно, нейтрализуя поползновения власти навести свой "порядок". Позиция большевиков по земельному вопросу учитывала сложившиеся реалии. В. Ленин призывал крестьян "к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям крестьянских депутатов на местах" [Ленин, т. 31, с. 167]. Как и общинное крестьянство, большевики не уповали на возможность разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием, но считали необ-

³ Еще в апреле 1917 г., когда проходили крестьянские съезды по губерниям, их постановления "были восприняты крестьянством как закон, стали проводиться в жизнь и были причиной аграрных беспорядков" [Кострикин, 1977, с. 20].

ходимым немедленно реализовать на практике требования, из года в год повторявшиеся в крестьянских наказах. Придя к власти в октябре 1917 г., они первым делом узаконили то, что уже вовсю осуществляла крестьянская революция⁴.

Но означает ли это, что большевики фактически и были той истинно народной, *крестьянской партией*, на роль которой всегда и не без основания претендовали эсеры? Это не так, что и показали последующие события. Но пониманию специфики отношений большевиков и крестьянства в разные периоды революции и гражданской войны мешает односторонняя позиция противостоящих направлений в историографии. Советские историки неизменно подавали политику большевиков как выражение интересов огромного большинства народа. Западные же советологи усматривали "великий парадокс, великую иронию современной истории" [Mitrany, 1951, p. 1] в том, "что марксизм, который был неизменно враждебен к живущим и работающим на земле, во всех случаях пришел к власти на спинах возмущенных крестьян" [Laird, Laird, 1970, p. 49]. При этом антикрестьянский характер политики большевиков обосновывался последними как бы задним числом, с опорой на описание более поздних событий (комбеды, коллективизация). На мой взгляд, это затушевывает то фундаментальное обстоятельство, что большевики пришли к власти на волне крестьянской революции и какое-то время удерживали власть лишь постольку, поскольку углубляли и развивали эту революцию. Следовательно, была какая-то *специфическая сопряженность* между движением крестьян за землю и борьбой большевиков за власть.

Размышления над этим обстоятельством кажутся гораздо более плодотворными, нежели расхожие представления о том, что беспризорную и бесхозную власть в 1917 г. мог взять кто угодно, а большевикам, имевшим в распоряжении германское золото, и сам бог велел. Все гораздо сложнее и интереснее. Чувствуется нечто схожее в экстремизме и маргинальности позиции крестьянства и большевиков по отношению к миру городской политики и общественной мысли, о чем я уже писал ранее [Бабашкин, 1995, с. 101 - 104]. Как и крестьяне, большевики чувствовали себя единственными носителями народной правды, истинного понимания вещей. Если крестьяне стремились переделать землевладение в одночасье и "по уму", то большевики - перестроить общественное устройство радикально и "по науке", в соответствии с принципами переосмысленного ими марксизма.

В современной историографии наиболее близок к подобной постановке вопроса итальянский историк А. Грациози, подчеркивающий, что "кризис, вызванный войной, получил в бывшей Российской империи *парадоксальное разрешение*: народная (кое-кто говорит - плебейская) революция, с сильными антиавторитарными и антигосударственными чертами, привела к власти самую этатистскую политическую группу в стране... Этот парадокс воплотился в *двух большевизмах*, существовавших в конце 1917 - начале 1918 г. С одной стороны, был большевизм крестьян и солдат, зачастую - крестьян-солдат, хотя также и крестьян-рабочих... Второй большевизм был "истинным", т.е. большевизмом немногочисленной, но весьма деятельной политической элиты, состоявшей из нескольких интеллигентов и крепкого ядра практиков - о которых с гордостью говорил позднее Сталин - выходцев из народа, имевших небольшое или неформальное образование" [Грациози, 2001, с. 13 - 15]. Такой подход невозможен в контексте как советской, так и антисоветской традиции исторического исследования. Для той и другой большевизм принадлежит исключительно к сфере *большой политики*, то есть борьбы за вершины государственной власти в стране. Только для советской историографии эта борьба - воплощение интересов и требований народной, прежде всего пролетарской, революции; для антикоммунистов приход к власти большевиков - явление сугубо антинародное. Представляется, что если обратиться к *культурному* аспекту революции

⁴ Отмечу, что в составлении декрета "О земле" Ленину очень помогли аналитики эсеровской партии, которые свели воедино 242 крестьянских наказа, создав "Примерный крестьянский наказ о земле", полностью включенный в текст декрета. Прозорливость Ленина как политика состояла в понимании того, что крестьяне все равно возьмут землю, при помощи или же помимо (и в ущерб) верховной власти.

и рассмотреть позицию большевиков на разных этапах революции как проекцию ценностей разных слоев населения, станет очевидным, что большевики вступали в амбивалентные, противоречивые отношения с идеологией крестьянских масс. Приверженцы обоих историографических подходов потому и располагали широкой источниковой базой для доказательства своих идей, что у крестьян был *свой большевизм*, который в чем-то принципиально совпадал с большевизмом коммунистов, а в чем-то весьма существенно с ним расходился.

Что же позволяет Грациози использовать понятие *большевизм* (изрядно мифологизированное в нашей исследовательской литературе и публицистике) для характеристики как крестьянской революции, так и деятельности ленинской партии? Во-первых, это крайний радикализм, абсолютизация обеими социально-политическими силами конечной цели своей революционной деятельности. Для крестьян это полнота владения и распоряжения всей сельскохозяйственной землей в стране при минимальном участии государства в делах деревни. Для большевиков - вся полнота власти в стране, важнейшим и неперемennым условием которой, кстати, было максимальное присутствие государства в деревне. Во-вторых, это непреклонность в достижении своей цели, борьба с использованием всех мыслимых и немыслимых средств. Наконец, в-третьих, это звериная, средневековая жестокость, которой не гнушались и те и другие носители *большевизма* в годы гражданской войны⁵.

Двойственная сущность гражданской войны

Что в данном контексте, в рамках предлагаемого подхода следует понимать под *гражданской войной*⁶? Очевидно, это было значительно более широкое явление, чем масштабные военные столкновения между регулярными частями Красной армии и Белой гвардии. Рубиконом, точкой невозврата на пути погружения России в состояние гражданской войны как непримиримого многостороннего социально-политического конфликта стал декрет "О земле". Слишком многие политические силы страны категорически возражали против такого разрешения главного вопроса революции и готовы были со всей решительностью бороться за его пересмотр. Да и союзники, вместе боровшиеся за этот декрет, - большевики и крестьяне видели его суть и смысл каждый по-своему. Для одних это была реализация вековой мечты о полноте распоряжения всей сельскохозяйственной землей и угодьями в соответствии с обычным правом. Для других - необходимое условие для захвата всей государственной власти, которая, в свою очередь, была немыслима без наведения порядка в деревне, понимаемого весьма специфически, вразрез с традициями крестьянства.

Взяв власть, большевики сразу же столкнулись с интересами крестьян: необходимо было кормить армию на германском фронте (до Брестского мира еще далеко), а также голодные города и формируемую Красную армию. Ничего нового, кроме продотрядов, придумать они не смогли. Но дело это поставили с чисто большевистским напором и размахом. Ни царское правительство, пытавшееся в конце 1916 г. ввести продовольственную разверстку, ни Временное правительство с его хлебной монополией государства, карточной системой и карательными отрядами в деревне не доходили до таких прямолинейных действий против крестьян-"мешочников", как создание заградительных от-

⁵ О зверствах большевиков написано достаточно много. Но и крестьяне вспарывали животы продотрядам и набивали их зерном, а зимой превращали людей в ледяные глыбы. Однако надо отметить, что еще в начала XX в. крестьяне кровь не лили, традиционно полагая это смертным грехом [Современные... 1996, с. 140 - 141].

⁶ Грациози ставит это словосочетание в кавычки, "чтобы подчеркнуть его неточность с научной точки зрения. Мы имеем дело не просто с "гражданской войной в России", а с запутанным узлом национальных и социальных конфликтов" [Грациози, 2001, с. 83]. Он полагает, что использование этого понятия в общепринятом смысле мешает анализу событий тех лет.

рядов (ноябрь 1917 г.). И это было только начало столкновения *двух большевизмов* в гражданской войне.

Опыт Временного правительства показал, что у крестьян много способов сокрытия продовольственных запасов от властей. Общинная солидарность чрезвычайно затрудняла деятельность государственных заготовителей. Большевики наполнили политику хлебной монополии новым содержанием: с мая 1918 г. декретами ВЦИК устанавливалась продовольственная диктатура. Ленин в письме к петроградским рабочим призвал возглавить великий "крестовый поход" против спекулянтов, кулаков, дезорганизаторов государственной монополии на хлеб. Разворачивается мобилизация в продовольственные отряды. 31 мая 1918 г. СНК опубликовал воззвание "Об организации вооруженных отрядов для борьбы с врагами народа и крестьянской буржуазией". В начале июня продармия рабочих насчитывала 5 тыс. человек, к концу июля - 11 тыс.

Уже в словах "продотряды", "продармия" отражалось противостояние между государственно организованной политической верхушкой и организованным в общины крестьянством, которое принимало характер настоящей войны. А в войне всегда есть стратегия и тактика. Стратегическая задача большевиков - удержаться у власти любыми способами. Тактически этого можно было добиться лишь не допустив самоизоляции деревни от города. Здесь видную роль летом-осенью 1918 г. сыграл декрет ВЦИК "Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями". Опасность противостояния объединенной деревне большевики поняли еще в 1905 г. [Шанин, 1999, с. 43 - 44]. Теперь ставка на недовольных и обездоленных стала единственно возможным тактическим ходом, и он принес результат - правда, временный и не вполне тот, на который рассчитывали большевики.

Комбеды оказались бесценными помощниками государства, которое, словно метлой, вымело у крестьян отчаянно укрываемое зерно: "Менее изощренные политические лидеры запросто могли бы провалить трудное дело по дотошному изъятию припрятанных излишков у крестьян, которые имели большой опыт сокрытия своих запасов от царского правительства. Ставка была сделана на естественную зависть тех, кто победнее: никто не знал так хорошо, как голодный и недовольный крестьянин, где его более удачливый сосед прячет хлеб и как уходит от повинностей. Это был идеальный сборщик налогов" [Laird, Laird, 1970, с. 113].

Некоторые советологи в оценке комбедов выделяют не столько продовольственный аспект, сколько стремление большевистского руководства расколоть деревенскую солидарность в сопротивлении политической линии верховной власти [Сагг, 1953, р. 157]⁷. Все это верно, однако не следует переоценивать успех большевиков. Способность бедноты к самоорганизации (да, видимо, и потребность в таковой) оказалась столь незначительной, что в июне-августе 1918 г. комбеды возникли лишь в 10% волостей. Тогда 3 - 6 августа Совнарком принял новые продовольственные декреты и обращение к трудящимся "На борьбу за хлеб". Профсоюзы через военно-продовольственное бюро ВЦСПС направили в деревню 30 тыс. рабочих, организованных в реквизиционно-уборочные отряды. Процесс создание комбедов при участии рабочих активизировался. Но как общины, так и местные Советы стали противодействовать ему методами тихого сопротивления: в комбеды отряжали в основном крестьян-бедняков, не желавших портить отношения с более зажиточными соседями. Вполне приличный урожай 1918 г. дал возможность многим беднякам обеспечить себя хлебом, и в ряде хлебопроизводящих губерний комбеды совместно с Советами, рапортуя наверх, существенно занижали сведения об урожайности и хлебозапасах, чтобы уберечь деревню от продотрядовского про-

⁷ Грациози, говоря о внутренних противоречиях революционной деревни, на которых были призваны сыграть комбеды, отмечает важную деталь: "Хорошую возможность им предоставило также возвращение после Брест-Литовского мира новой волны бывших солдат, заинтересованных в том, чтобы пересмотреть раздел земли, проведенный в их отсутствие" [Грациози, 2001, с. 19].

извола [Осипова, 2001, с. 174, 209]. Однако произвол и бесчинства, творимые продотрядами при поддержке комбедов, осенью 1918 г. приобрели такой размах, что возмущение деревни стало всеобщим. Крестьяне именовали членов комитетов бедноты "негодяями", "хулиганами", "мазуриками и грабителями" [Яров, 1999, с. 25 - 26]. Будучи задуманы как рычаг классового расслоения, комбеды, напротив, во многих случаях сплачивали деревню⁸.

Тем не менее с августа 1918 до начала 1919 г. государству все же удалось заготовить 67 млн. пудов хлеба, и Ленин оценил этот результат как "успех первого года нашей работы, когда нужно было строить новое здание, испытывать новые приемы", который "на полгода дал возможность передышки" [Ленин, т. 37, с. 419]. Главная задача большевиков была решена: у власти они удержались. И эту власть вскоре в полном объеме и самым решительным образом пришлось использовать для подавления огромной волны крестьянских восстаний, разразившихся в ноябре-декабре 1918 г. и охвативших половину уездов, подконтрольных советской власти. Можно утверждать, что массовость, длительность и выраженная антибольшевистская направленность многих из этих восстаний - в значительной мере "заслуга" комбедов, которые злоупотребляли своей властью. Они невольно способствовали объединению деревни на общинной основе, разрушая сельскую кооперацию и последовательно уничтожая все ростки мелкотоварной собственности: мельницы, крупорушки, потребительские лавки, постоянные дворы и т.д.⁹ Непосредственным поводом к восстаниям стало проведение призыва крестьян пяти возрастов (1887 - 1893 гг. рождения) в Красную армию, а также реквизиция лошадей, сбор теплых вещей и взыскание "чрезвычайного революционного налога" на нужды армии.

По размаху и охвату самых широких слоев крестьянского населения эта волна восстаний к первой годовщине советской власти была такова, что остается лишь удивляться живучести штампа в советской историографии об их "кулацком" характере. "В отчетах комиссий, расследовавших причины массовых восстаний крестьян и уклонения от службы в Красной армии, в донесениях уполномоченных ЦК РКП(б), СНК, ВЦИК, посланных в мае 1919 г. для восстановления связей центральной власти с деревней, - свидетельствует Т. Осипова, - комбеды характеризуются как скопище голытьбы, деклассированных и бесхозяйственных элементов города и деревни, с оружием в руках утверждающих свою власть над крестьянством. Отрицательная оценка комбедов, данная высокопоставленными коммунистами, по существу перечеркивала все усилия по расколу деревни" [Осипова, 2001, с. 187 - 188].

Комбеды в конце 1918 г. пришлось упразднить. Долгие годы в отечественной исторической литературе указывалось, что свою историческую задачу они выполнили. Это соответствовало ленинской оценке и формулировке межведомственной комиссии, созданной для решения судьбы данных органов [Осипова, 1977, с. 74 - 75]. Здесь есть своя правда: без комбедовских реквизиций большевики, вероятно, не выстояли бы, а любой другой организованной политической силе, рвущейся к власти в стране, такое решение проблемы просто в голову бы не пришло. 11 января 1919 г. была введена продразверстка как *некоторое послабление* в продовольственной политике большевиков [Стрижков,

⁸ Правда, С. Яров показывает, что некоторая часть бедноты все же воспользовалась ситуацией для перераспределения хлеба в свою пользу, и делает принципиальный вывод: "Сама мысль о перераспределении богатств возникла не только после чтения большевистских декретов... Провозглашение греховности стяжания изначально было созвучно религиозно-этическим предписаниям и нормам общинной взаимоподдержки... Лишь максимализм и жестокость, проявившиеся при воплощении классовых идей в жизнь, отпугнули от них различные слои деревни, в том числе и некоторых бедняков" [Яров, 1999, с. 23 - 24, 28 - 29]. Так началась длительная морально-психологическая подготовка к коллективизации с ее реанимацией комбедов.

⁹ М. Левин вводит применительно к периоду гражданской войны термин "архаизация деревни", подчеркивая то важнейшее обстоятельство, что российская деревня в годы гражданской войны, стремясь обособиться от города со всеми его политическими амбициями, в плане социально-экономического развития вернулась на десятилетия, если не на столетия, назад. Ученый указывает на принципиальную роль этого явления в дальнейшей эволюции советского общества [Lewin, 1991, p. 249 - 256, Современные... 1994, с. 48].

1977]. Но и в осуществлении продразверстки без продовольственных и карательных отрядов тоже не обошлось. Реакция крестьянской деревни не заставила себя ждать. Лимит доверия к большевикам в связи с ленинским декретом "О земле" давно был исчерпан. Отношение к их руководителям резко изменилось. Если после прихода большевиков к власти про Ленина распевали частушку, где тот фигурировал в позитивном контексте: Сидит Ленин на заборе, /два нагана по бокам./ Он роздал крестьянам землю/ - поделить по едокам", то спустя менее года контекст стал негативным: "Сидит Ленин на телеге, /а телега без колес. /Ты куда, плешивый, едешь? / Реквизировать овес" (частушки крестьян Рязанской, Тамбовской, Вологодской областей из архива Данилова. См. также [Данилов, 1987])¹⁰.

В 1919 г. в гражданской войне крестьянства, которая здесь рассматривается, важнейшим фронтом стало массовое дезертирство из армий как "красных", так и "белых". Крестьянам, из которых на 77% состояли эти армии, приходилось делать непростой выбор из двух зол. Неявка на призывные пункты по центральным губерниям достигала 80 - 90%. Десятки тысяч дезертиров организовывались в армии "зеленых" и сражались против Красной армии. Во втором полугодии 1919 г. только по европейской части России насчитывалось 1545 тыс. дезертиров [Осипова, 1996, с. 131 - 133].

Но летом 1919 г., когда судьба политического режима в стране решалась на Южном фронте, крестьяне все же склонялись к выбору не в пользу денкинцев. В Красную армию вернулось 975 тыс. дезертиров, из них 95,7% добровольно. В ноябре в тылу у А. Деникина действовали более 100 тыс. партизан, свыше 25 тыс. вооруженных крестьян присоединились к Красной армии [Осипова, 2001, с. 320 - 321; Деникин, 1991]. Можно ли считать, что крестьяне спасли советскую власть от гибели? И да, и нет. Да, поскольку именно позиция крестьянства дала возможность большевикам разгромить своих противников в смертельной схватке за верховную политическую власть в России. Нет, поскольку с этим разгромом гражданская война отнюдь не закончилась. В 1920 г. антикоммунистические восстания в деревне приобрели новое качество: это была уже *настоящая война с новой властью* - и не просто в силу длительности и упорства, но и по некоторым важным признакам организационного характера.

Так, в крестьянской войне, которая шла в Тамбовской губернии с августа 1920 г. по июнь 1921 г., со стороны крестьянства воевала регулярная партизанская армия, насчитывавшая в разное время до 20 полков, сведенных в 4 - 5 дивизий [Аптекарь, 1993]. Особенностью всех этих "кулацких" мятежей была безоговорочная поддержка повстанцев практически всем населением сел и деревень, охваченных боевыми действиями регионов. В докладе главкома вооруженными силами страны С. Каменева председателю РВС Л. Троцкому от 9 февраля 1921 г. говорится о шести больших очагах вооруженного сопротивления (Тамбовская губерния, Западная Сибирь, Правобережная и Левобережная Украина, Средняя Азия, Дагестан), общей численностью 100 - 115 тыс. человек, где повстанцы пользовались активной поддержкой местного населения и при необходимости могли привлечь тысячи бойцов [Грациози, 2001, с. 31]. Правда, даже и при таком размахе событий крестьянская война с упорством продолжала именоваться "мятежом" и "бандитизмом". Отрезвляющим моментом оказалось только восстание моряков в Кронштадте. Именно тогда людям, принимавшим решения в большевистском руководстве, вдруг стало ясно, что спасти советскую власть от гибели может только она сама - и лишь путем радикального поворота от гражданской войны против собственного крестьянства к сотрудничеству или хотя бы мирному сосуществованию с ним [Шевоцуков, 1996]¹¹.

¹⁰ К фольклору как одной из важных форм повседневного сопротивления крестьянства давлению со стороны властей призвал самым серьезным образом относиться авторитетный американский исследователь крестьянских обществ Дж. Скотт [Скотт, 1996].

¹¹ Собственно против советской власти восставшие ничего не имели. Но большевистская политика безвозмездного изъятия крестьянской продукции была более нетерпима. Отсюда лозунг восставших: "Советы без коммунистов!"

Грянувшее 2 марта 1921 г. антикоммунистическое восстание кронштадтских моряков, которые по праву считались гвардией большевистской революции, стало сигналом для смены точки зрения на положение в стране, "как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было" [Ленин, т. 43, с. 138]. Приходилось признать, что гражданская война не окончилась победой над "белыми", что она продолжается, и главным противником в этой войне стал *прежний союзник* - крестьянство. Большевикам представлялись принципиально невозможными победа в этой войне против общинно-организованных крестьян, на плечах которых держались армия и флот, а значит, и удержание власти, казалось бы, перешедшей в их руки. Умиротворение деревни оказалось достижимо только на путях радикального пересмотра губительной политики прямого грабежа крестьянства (даже во славу идеалов и лозунгов утопического коммунизма) и введения новой экономической политики, от которой больше всего выиграло крестьянство, впервые достигшее в обеспеченности зерном уровня социальной стабильности (в 1925 - 1929 гг. душевой чистый остаток увеличился с 19,8 до 24,8 пуда) [Нефедов, 2005, с. 96].

* * *

В современной исторической литературе эта перемена в позиции и политике большевиков иногда ассоциируется с полной победой крестьянской революции 1902 - 1922 гг. На деле же в гражданской войне, ставшей пиком этой крестьянской революции, победили последовательно *два большевизма* - сперва партийно-политический, затем - крестьянский. "Крестьянская революция, - пишет Данилов, - заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. "Социалистическое" земельное законодательство 1918 - 1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского Наказа 1917 г.". Впрочем, ученый тут же добавляет, что победа этой революции не была окончательной, и она "очень скоро оказалась поражением. Замечу "в скобках", - подчеркивает он, - что так обычно и бывает с крестьянскими революциями" [Данилов, 1992, с. 319]. Традиционализм крестьянства потерпел поражение в столкновении с антитрадиционалистскими, тоталитарными тенденциями в политике их бывлых союзников - большевиков. Но был ли нэп как фундаментальная уступка требованиям крестьянской революции изначально обречен на срыв в антикрестьянскую коллективизацию? Это уже предмет для отдельного обстоятельного разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аптекарь П. А. Крестьянская война // Военно-исторический журнал. 1993. N 1.

Бабашкин В. В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. N 3.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 - 1933. М., 2001.

Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

Данилов В. П. Великая крестьянская революция // Октябрь 1917: смысл и значение. М., 1998.

Данилов В. П. Не смей! Все наше! Крестьянская революция в России. 1902 - 1922 годы // Россия, 1997, июль.

Данилов В. П. О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура: 70 лет развития. К 80-летию академика М. П. Кима. М., 1987.

Деникин А. И. Кто спас Советскую власть от гибели. М., 1991.

Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.

Кострикин В. И. Крестьянское движение накануне Октября // Октябрь и советское крестьянство, 1917 - 1977. М., 1977.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55 томах. М., 1979 - 1983.

Нефедов С. А. Об экономических предпосылках русской революции // *Общественные науки и современность*. 2005. N 3.

Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974.

Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // *Судьбы российского крестьянства*. М., 1996.

Осипова Т. В. Развитие социалистической революции в деревне // *Октябрь и советское крестьянство*. 1917 - 1927 гг. М., 1977.

Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

Седов А. В. Массовое движение крестьян в России за организацию волостных исполнительных комитетов в марте-июне 1917 года // *Ученые записки Горьковского университета*. 1971. Вып. 152.

Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник*. М., 1996.

Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // *Отечественная история*. 1994. N 4 - 5; 1996. N 4.

Стрижков Ю. К. Принятие декрета о продовольственной разверстке и его осуществление в первой половине 1919 г. // *Октябрь и советское крестьянство*. 1917 - 1927 гг. М., 1977.

Шанин Т. Четыре с половиной аграрных программы Ленина: крестьяне, интерпретаторы Маркса, русская революция // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность*. М., 1999.

Шевоцуков П. А. Кронштадт, весна 1921 года: что это было? // *Судьба российского крестьянства*. М., 1996.

Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918 - 1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999.

Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917 - 1923. Vol. II. New York, 1953.

Laird R., Laird B. Soviet Communism and Agrarian Revolution. Harmondsworth, 1970.

Lewin M. Russia/USSR in Historical Motion: an Essay in Interpretation // *The Russian Review*. 1991. Vol. 50. N3.

Mitrany D. Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. Durham, 1951.